

Р.А.Гусейнов

ВИЗАНТИЯ И ВОСТОК В ТРУДАХ Н.В. ПИГУЛЕВСКОЙ (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

В художественно-публицистическом произведении А.И. Солженицына “Архипелаг ГУЛАГ” есть строки, посвященные Нине Викторовне Пигулевской¹. Среди цвета отечественной науки, репрессированного в 20-е годы нашего столетия и отбывавшего “срок” на Соловках, названа “востоковед Н.В. Пигулевская”, которая, к чести ее, и там не утратила собственного достоинства и человечности и, выйдя на “волю”, продолжила свое дело.

Научное наследие выдающегося востоковеда с мировым именем Н.В. Пигулевской (1894-1970) многогранно, до сих пор сохраняет свое значение, ибо остается источником новых идей, почему и является объектом изучения². Это наследие представлено фундаментальными трудами по средневековой истории и истории культуры, источниковедению и историографии, текстологии и правоведению, истории науки и образования, переводами и комментариями памятников письменности. Все, вместе взятое, позволяет говорить об их авторе как об эллинисте и сириологе, иранисте и кавказоведе, арабисте и византинисте. Вот почему Н.В. Пигулевской принадлежит видное место в плеяде ученых, внесших собственный весомый вклад в науку, создавших свою школу, взрастивших учеников и имеющих последователей. Она относится к числу энтузиастов, много сил и внимания отдавших преподаванию и подготовке научных кадров, организации и руководству научными ячейками, обществами и журналами, активному участию в научных форумах.

Н.В. Пигулевская создала несколько циклов работ по крупнейшим проблемам средневековья. Один из них – “Византия и Восток”. Первым ее византиноведческим исследованием стал читанный в ЛГУ курс “Передняя Азия в IV-VII вв.” (1939 г.)³, в котором в сравнительно-историческом аспекте параллельно рассмотрены история Византийской империи и Сасанидской державы, развитие их взаимоотношений. Первая византиноведческая монография Н.В. Пигулевской – “Месопотамия на рубеже V-VI вв.” (1940 г.)⁴, где на основе неизвестного до того материала “Хроники” Йешу Стилита исследованы важнейшие социально-экономические явления на Ближнем Востоке и в ранней Византии: общественные отношения и налоговая политика, сис-

¹ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Париж, 1980. Т. III/IV. С. 44.

² Биографию и библиографию трудов Н.В. Пигулевской см.: *Пигулевская Н.В.* Ближний Восток. Византия. Славяне. Л., 1976. С. 10–62.

³ Там же. С. 22.

⁴ *Пигулевская Н.В.* Месопотамия на рубеже V и VI вв. н.э.: Сибирская хроника Йешу Стилита как исторический источник. М.;Л., 1940.

тема управления и специфика эволюции ранневизантийского города, характер аграрных отношений, состояние и развитие ремесла и торговли. В результате воссоздана картина отношений и взаимодействия в Передней Азии двух могущественных государств раннего средневековья – Византийского и Сасанидского, а также их политика на Кавказе и контакты с кочевыми племенами.

Первые итоги и развернутая программа дальнейших разработок цикла даны в концептуальном обзоре “Византия и Восток” (1971), опубликованном в специальном выпуске “Палестинского сборника”⁵, открывающемся одноименной статьей Н.В. Пигулевской и содержащем статьи ее учеников и последователей по источникововедению и историографии, истории и культуре, дипломатике и сфрагистике, искусству и эпиграфике. В основу предложенной программы лег доклад, читанный на сессии Отделения истории и философии АН СССР, состоявшейся 5–6 мая 1944 г. в Москве. Впоследствии, 18 ноября того же года, его главные положения впервые увидели свет в виде тезисов доклада на научной сессии, посвященной 125-летию ЛГУ. В них говорилось: «Проблема “Византия и Восток” не новая, она родилась в то время, когда византиноведение выходило на широкую дорогу исторической науки»⁶. В публикации 1971 г. этот тезис приобрел законченный характер и в нем подчеркивалось, что “в изучении и Востока и Византии должна быть отмечена передовая, выдающаяся роль Ленинградского университета: в его стенах протекала деятельность В.Р. Розена, В.Г. Васильевского, Ф.И. Успенского, В.В. Бартольда, Н.Я. Марра, давших глубокие исследования политических, культурных и литературных связей Византии и Востока. Благодаря их разработкам новое, центральное положение между средневековой Европой и Азией заняла Византия”⁷.

Вклад перечисленных корифеев в византинистику хорошо известен. Тем не менее необходимо подчеркнуть, что именно Н.В. Пигулевская на заложенном ими фундаменте возвела здание одного из направлений в византистике, получившего известность как “Византия и Восток”, ибо она впервые занялась проблемой в полном объеме и привлекла к ней внимание и силы специалистов: наметила в качестве основных этапов осмысление места и роли Византии во всемирной истории, ее положение между Западом и Востоком, специфику византийской истории и культуры, влияние на развитие Востока и Запада и их взаимоотношений, а вместе с тем на “западный” и “восточный” характер эволюции самой империи. Одновременно были проанализированы главные формы и типы контактов Византии с Востоком: внешнеполитические и социально-экономические, культурные и идеологические, в том числе торговые и военные, дипломатические и агрессивные, тайные и открытые. “Весь этот комплекс связей и отношений создал, – по заключению Н.В. Пигулевской, – исключительное своеобразие, неповторимое положение и неповторимую историю”⁸, т.е. неповторимое сочетание общего и особенного, зоны контактов и синтетного развития и континуитета – всего того, что привело исследователя к доминирующей идее: “По своему положению и значимости Византия должна занимать центральное место в истории средневековья, будучи Востоком для латинского Запада и Западом для Ближнего и Дальнего Востока”⁹.

Предложенная программа цикла “Византия и Восток” осуществлялась как Н.В. Пигулевской, так и ее многочисленными учениками и последователями в Ленинграде и Баку, Москве и Тбилиси, Свердловске и Фрунзе, Ереване и зарубежных

⁵ ПС. Л., 1971. Вып. 23(86): Византия и Восток.

⁶ Пигулевская Н.В. Византия и Восток // Науч. сессия, посвященная 125-летию Ленинградского ун-та: (Тез. докл.). Л., 1944. С. 1.

⁷ Пигулевская Н.В. Византия и Восток // ПС. Вып. 23(86). С. 3.

⁸ Там же. С. 4.

⁹ Там же. С. 16.

научных центрах; в руководимых ею Кабинете Ближнего Востока Института востоковедения АН СССР и Российском Палестинском обществе; в воссозданном ею “Палестинском сборнике”, в “Византийском временнике” и “Византиноведческих этюдах”; в докладах на международных византиноведческих и других научных форумах; в читанных ею университетских курсах и семинарах, а также в лекциях в Сорбонне, Коллеж де Франс и Восточном институте Ватикана.

Одной из этапных стала монография “Византия и Иран на рубеже VI и VII вв.” (1946)¹⁰, где подведены итоги многолетних изысканий автора в рамках цикла, дан всесторонний анализ социально-экономического положения Византии: эволюция и организация ремесла и торговли, положение торгово-ремесленного люда, борьба фракций. На этой основе Н.В. Пигулевская пришла к заключению, что именно в конце VI столетия в Византии возобладали феодальные отношения. Синхронно рассмотрены те же вопросы и сюжеты для Сасанидской империи, что позволило определить сходство и различия в развитии двух доминирующих общественно-политических систем в раннесредневековой Передней Азии, а также объяснить общее и особенное в этом процессе.

В монографии “Византия на путях в Индию” (1951)¹¹ проанализированы торговые отношения и организация торговли, характер товаров, подробно рассмотрены морские и сухопутные маршруты в Индию и Китай, игравшие важную роль в торгово-экономических и культурно-конфессиональных отношениях стран Средиземноморья, в связи с чем специальное внимание уделено Шелковому пути, пролежавшему от Китая через многие страны Востока и Византию до Европы. В целом этот труд продемонстрировал значение Византии в международной торговле с Востоком, а также ее важность для византийской экономики.

Монография “Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв.” (1964)¹² подвела итоги 30-летним исследованиям Н.В. Пигулевской по циклу. Рассматривая арабов в качестве третьей силы на раннесредневековом Ближнем Востоке, она говорит об их доисламской истории, характере отношений с Византией, в том числе о христианизации византийскими миссионерами ряда арабских племен.

Из 200 с лишним публикаций Н.В. Пигулевской, увидевших свет в течение полувека на многих языках в различных странах мира – от России до Японии и от Франции до Ирана, – более четверти составляет цикл “Византия и Восток”¹³. Они характеризуют автора как высокоэрудированного ученого-энциклопедиста и позволяют получить представление обо всех сторонах жизни раннесредневекового византийского общества в рамках и во взаимодействии с ойкуменой. Вместе с тем Н.В. Пигулевская немало сделала в роли инициатора многих пионерских начинаний в области мировой, в том числе отечественной, византистики: от издания сирийских источников, впервые широко введенных в научный обиход византинистов, до подготовки коллективного труда по византийской культуре; от расширения ученых контактов до пристального внимания к комплексу проблем, связанных с Шелковым путем и Дорогой благовоний; от констатации того, что внешняя политика Византии была ориентирована на Восток, где угроза последовательно исходила от Сасанидской империи, Арабского халифата, Сельджукской державы, Монгольской и Османской империй, до многоплановых контактов как с

¹⁰ Пигулевская Н.В. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.:Л., 1946.

¹¹ Пигулевская Н.В. Византия на путях в Индию: Из истории торговли Византии с Востоком в IV–VI вв. М.:Л., 1951.

¹² Пигулевская Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв. М.:Л., 1964.

¹³ См. основные византиноведческие труды Н.В. Пигулевской в кн.: Ближний Восток. Византия. Славяне. Библиогр. № 10, 11, 14, 16, 17, 20–22, 32, 36, 38, 40, 52, 67, 94–97, 109, 110, 116, 123, 156, 166, 167, 180.

Ближним и Средним, так и Дальним Востоком, в том числе с Индией и Китаем. Поэтому следует говорить не просто о создании цикла, но школы по изучению Византии и Востока, в связи с чем Н.В. Пигулевской принадлежит одно из наиболее почетных мест в мировой византинистике.

В рамках цикла “Византия и Восток” Н.В. Пигулевская обратила внимание на византийские и восточные летописи, которые “сообщают и о предках народов СССР, населявших Кавказ и Среднюю Азию, и дают возможность воссоздать забытые страницы их истории”¹⁴. Говоря о византийско-восточных культурных взаимодействиях, она считает, что особенно ярким примером “может служить поэма о Дигенисе Акрите. Родиной поэмы является Мелитена. На самой границе с мусульманским миром из общих корней с рыцарской арабской литературой выросла эта эпическая песня Византии. Арабский прототип поэмы о Дигенисе Акрите сквозит в героическом сказании XIV в. Саид Баттал, сохранившемся на турецком языке. Его утерянный арабский оригинал относится, вероятно, к X в., так как в нем отражены такие события, как восстание Бабека и разрушение Мелитены в 934 г.”¹⁵. Здесь привлекает нас упоминание о сыне азербайджанской земли Бабеке, который в 816-837 гг. возглавил освободительную войну народов Кавказа против Арабского халифата и пытался наладить контакты с Византией¹⁶.

Сказанное дает возможность отметить исключительную роль и вклад Н.В. Пигулевской в византинистику в связи с кавказоведением. Здесь достаточно указать на монографию “Сирийские источники по истории народов СССР” (1941)¹⁷, в которой специальное внимание уделено проблеме Кавказа между Византией и Ираном и отмечено: “Кавказ и Закавказье представляют собой одну из интереснейших областей для этнологических и лингвистических исследований. Известно, что в ущельях мощной цепи Кавказского хребта и его отрогов застревали и оседали роды и племена народностей, когда-то живших или кочевавших вблизи этих мест. Языковая и этническая пестрота Кавказа является действительно необозримым полем для разысканий, имеющих живые связи с современностью”¹⁸. Этой итоговой публикации предшествовала другая – подготовленный Н.В. Пигулевской в 1940 г., по заказу Института истории АН Азербайджанской Республики, “Обзор сирийских источников по истории Азербайджана”¹⁹, оставшийся, к сожалению, неопубликованным. В связи с двумя названными трудами надо сказать следующее.

Начальный этап распространения христианства среди племен и народов Кавказа, в том числе Закавказья, тесно переплетен с византийской провинцией Сирией и миссионерской деятельностью сирийцев на всем Востоке. Благодаря им албаны – предки азербайджанцев, грузины и армяне стали в начале IV в. христианами и получили широкий доступ к сокровищам греческого и сирийского культурного мира: от письменности до образования, от Библии до ученых книг. Впоследствии уже местные клирики продолжили дело, начатое в регионе сирийцами, в частности на Северном Кавказе. Об этом рассказано в сирийском источнике VI в. – Хронике” Захарии Ритора, русский перевод и комментарий соответствующего текста из которого принадлежат Н.В. Пигулевской. Согласно источнику и его толкованию, в том столетии миссионерством среди гуннов Северного Кавказа занимались епископ земли Аран – центральной части Кавказской Албании (Северный Азербайджан) – Кардост со

¹⁴ Пигулевская Н.В. Византия и Восток. С. 12–13.

¹⁵ Там же. С. 14.

¹⁶ История Азербайджана. Баку, 1979. С. 54–58.

¹⁷ Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.;Л., 1941.

¹⁸ Там же. С. 80.

¹⁹ Пигулевская Н.В. Обзор сирийских источников по истории Азербайджана. Баку, 1940. (Рук. науч. архива Ин-та истории АН АР. № 915).

священниками, т.е. служители Албанской церкви, основанной в IV в. в царстве Албанском. От них гунны получили христианство, письменность и книги на своем языке²⁰.

В конце 80-х годов текущего столетия предпринята попытка перетолкования принадлежащих Н.В. Пигулевской перевода текста этого сообщения, комментария к нему с тем, чтобы приписать упомянутую культуртрегерскую миссию григорианской церкви²¹.

Мировое источниковедение еще в XIX в. установило достоверность и объективность сирийских памятников письменности. Исходя из этого концептуального тезиса, академическая наука с тех пор не считает нужным пересматривать традиционное отношение к названной группе источников²². Одновременно следует подчеркнуть, что Н.В. Пигулевская – незыблемый авторитет как в области византистики и кавказоведения, так и сирийской текстологии и истории восточного христианства раннего периода. И нет оснований для ревизии каких-либо положений ее научного наследия, которое надолго, как справедливо заключают составители научной биографии корифея, “останется предметом глубокого изучения, незаменимым справочником и кладезем новых идей”²³.

²⁰ Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. С. 84–87, 166.

²¹ Акопян А.А., Мурадян П.М., Юзбашян К.Н. К изучению истории Кавказской Албании: (По поводу книги Ф. Мамедовой “Политическая история и историческая география Кавказской Албании (III в. до н.э. – VIII в. н.э.)” // Ист.-филол. журнал АН АрмССР. 1987. № 3. С. 171–172.

²² См., например: Райт В. Краткий очерк истории сирийской литературы. СПб., 1902; Пигулевская Н.В. Культура сирийцев в средние века. М., 1979.

²³ Пигулевская Н.В. Ближний Восток. Византия. Славяне. С. 50.